

ТЕКСТЫ ДЛЯ ИНТОНАЦИОННО-ЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (предмет «Художественное слово» 5 класс)

Прочтите следующие тексты вслух. Не торопитесь их произнести. Страйтесь хорошо понять, увидеть, о чем идет речь. Кинолента видений, смысл происходящего подскажет вам и место смысловых пауз, и их длительность, и смысловые ударения. Если вы встретили затруднения в лепке фразы, сомневаетесь в точности смыслового ударения — вспомните указанные выше законы и правила.

Мы приводим большие фразы, среди них встречаются и периоды. Это сложные синтаксические конструкции, состоящие из двух частей. Первая часть состоит из однородных отрезков и произносится с интонацией повышения (восходящая мелодика), а вторая, как правило, не расчленяется и произносится с интонацией понижения (нисходящая интонация). Периоды часто

имеют определенную ритмическую организованность (синтаксический параллелизм, применение повторяющихся слов — анафоры, эпифоры), которая создает ритмическое интонирование отдельных речевых отрезков этой сложной фразы. При произнесении таких сложных фраз надо помнить о перспективе развития мысли. Она не должна останавливаться там, где возникает пояснение, дополнение, сопоставление, вводная — иногда достаточно большая — часть. Все детали, все нюансы, повороты мысли важны, но за ними не должно исчезать главное, магистральное ее направление. Вспомните, как помогают нам авторские знаки препинания держать смысловую паузу. Паузы позволяют вам не торопиться как можно скорее проговорить всю фразу, чтобы добраться до последней точки. Не делайте мелодических понижений перед смысловыми паузами, тогда будет понятно, что мысль не окончена, она разовьется дальше.

Работая над произнесением длинных, сложных фраз, вы научитесь распределять главное и второстепенное; развивать свою мысль, идти вперед, а не "топтаться" на месте, научитесь объединять слова в речевом такте слитным их произношением, кантиленным звучанием; распределять фонационное дыхание. Вы научитесь нести перспективу передаваемой мысли. К. С. Станиславский, подчеркивая, сколь необходимо владеть актеру в роли перспективой речи, писал, что имеет в виду **логическую** перспективу, перспективу **переживаемого чувства и художественную** перспективу, которая искусно раскладывает по планам краски, иллюстрирующие повествование, рассказ или монолог.

1. Через несколько минут он должен был увидеться с женщиной, которая была постоянно его мечтою в продолжение нескольких лет, с которой он был связан прошедшим, для которой он был готов отдать свою будущность, — и сердце его трепетало от нетерпения, страха и надежды.

(М. Ю. Лермонтов)

2.

Я верю, обещаю верить.
Хоть сам того не испытал, Что
мог монах не лицемерить И
жить, как клятвой обещал,
Что поцелуй и улыбки Людей
коварны не всегда. Что
ближних малые ошибки Они
прощают иногда.
Что время лечит от страданья,
Что мир для счастья создан,
Что добродетель не название И
жизнь поболее, чем сон.

(М. Ю. Лермонтов)

3.

Коня волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка, И
прячется в саду малиновая слива Под тенью
сладостной зеленого листка;
Когда, росой обрызганный душистой,
Румянным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой; Когда студеный
ключ играет по оврагу И, погружая мысль в
какой-то смуглый сон, Лепечет мне
тайную сагу Про мирный край, откуда
мчится он, —
Тогда смиряется души моей тревога. Тогда
расходятся морщины на челе, — И счастье я
могу постигнуть на земле, И в небесах я вижу
бога...

(М. Ю. Лермонтов)

4. Дома у себя, в мастерской он завел опрятность и чистоту в высшей степени, определил двух великолепных лакеев, завел щегольских учеников, переодевался несколько раз в день в разные угренние костюмы, завивался, занялся улучшением разных манер, с которыми принимать посетителей, занялся украшением всеми возможными средствами своей наружности, чтобы произвести ею приятное впечатление на дам; одним словом, скоро нельзя было в нем вовсе узнать того скромного художника, который работал когда-то незаметно в своей лачужке на Васильевском острове.

(И. В. Гоголь)

5. Приезжий во всем как-то умел найтиться и показал в себе опытного светского человека. О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его; шла ли речь о лошадином заводе, он говорил и о лошадином заводе; говорили ли о хороших собаках, и здесь он сообщал очень дельные замечания; трактовали ли касательно следствия, произведенного казенною палатою, — он показывал, что ему не безызвестны и судейские проделки; было ли рассуждение о билльярдной игре, — и в билльярдной игре не давал он промаха; говорили ли о добродетели, и о добродетели рассуждал он очень хорошо, даже со слезами на глазах; об выделке горячего вина, и в горячем вине знал он прок; о таможенных надсмотрщиках и чиновниках, — и о них он судил так, как будто бы сам был и чиновником и надсмотрщиком.

(И. В. Гоголь)

6. Когда дорога понеслась узким оврагом в чащу огромного заглохнувшего леса и он увидел вверху, внизу, над собой и под собой трехсотлетние дубы, трем человекам в обхват, вперемежку с пихтой, вязом и осокором, перераставшим вершину тополя, и когда на вопрос: "Чей лес?" ему сказали: "Тентетникова"; когда, выбравшись из леса, понеслась дорога лугами, мимо осиновых рощ, молодых и старых ив и лоз, в виду тянувшихся вдали возвышений, и перелетела мостами в разных местах одну и ту же реку, оставляя ее то вправо, то влево от себя, и когда на вопрос: "Чьи луга и поэмные места?" — отвечали ему: "Тентетникова"; коша поднялась потом дорога на гору по ровной возвышенности с одной стороны мимо неснятых хлебов: пшеницы, ржи и ячменя, с другой же стороны мимо всех прежде проеханных им мест, которые все вяруг показались в картинном отдалении, и когда, постепенно темнея, входила и вошла потом дорога под тень широких развилистых дерев, разместившихся врассыпку по зеленому ковру до самой деревни, и замелькали избы мужиков и крытые красными крышами господские строения; когда пылко забившееся сердце и без вопроса знако, куда приехало, — ощущенья, непрестанно накоплявшиеся, исторгнулись, наконец, почти такими словами: "Ну не дурак ли я был доселе? Судьба назначила мне быть обладателем земного рая, принцем, а я закабалил себя в канцелярию писцом!"

j

(И. В. Гоголь)

7. Даже в те часы, когда совершенно потухает петербургское серое небо, и весь чиновный народ наелся и отобедал, кто как мог, сообразно с получаемым жалованьем и собственной прихотью, — когда все уже отдохнуло после департаментского скрипенья перьями, беготни, своих и чужих необходимых занятий и всего того, что задает себе добровольно, больше даже, чем нужно, неугомонный человек, — когда чиновники спешат предать наслаждению оставшееся время: кто побойчее, несется в театр; кто на улицу, определяя его на рассматривание кое-каких шляпенок; кто на вечер — истратить его в комплиментах какой-нибудь смазливой девушке, звезде небольшого чиновного круга; кто, и это случается чаще всего, идет просто к своему брату в четвертый или третий этаж, в две небольшие комнаты с передней или кухней и кое-какими модными претензиями, лампой или иной вещицей, стоившей многих пожертвований, отказов от обедов, гуляний, — словом, даже в

то время, когда все чиновники рассеиваются по маленьким квартиркам своих приятелей поиграть в штурмовой вист, прихлебывая чай из стаканов с копеечными сухарями, затягиваясь дымом из длинных чубуков, рассказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшуюся из высшего общества, от которого никогда и ни в каком состоянии не может отказаться русский человек, или даже, когда не о чем говорить, пересказывая вечный анекдот о коменданте, которому пришли сказать, что подрублена хвост у лошади Фальконетова монумента, — словом, даже тогда, когда все стремится развлечься, — Акакий Акакиевич не предавался никакому развлечению.

(И. В. Гоголь)

8. Старый князь, казалось, был убежден не только в том, что все теперешние деятели были мальчишки, не смыслившие и азбуки военного и государственного дела, и что Бонапарт был ничтожный францушишка, имевший успех только потому, что уже не было Потемкиных и Суворовых противопоставить ему; но он был убежден даже, что никаких политических затруднений не было в Европе, не было и войны, а была какая-то кукольная комедия, в которую играли нынешние люди, притворяясь, что делают дело.

(Л. Н. Толстой)

9. Проводив одного гостя, граф возвращался к тому или той, которые были еще в гостиной; придвинув кресла и с видом человека, любящего и умеющего пожить, молодецки расставив ноги и положив на колена руки, он значительно покачивался, предлагал догадки о погоде, советовался о здоровье, иногда на русском, иногда на очень дурном, но самоуверенном французском языке, и снова с видом усталого, но твердого в исполнении обязанности человека шел провожать, оправляя редкие седые волосы на лысине, и опять звал обедать.

(Л. Я. Толстой)

10. Пьер с замиранием сердца, блестящими глазами глядя в лицо масона, слушал его, не перебивал, не спрашивал его, а всей душой верил тому, что говорил ему этот чужой человек. Верил ли он тем разумным доводам, которые были в речи масона, или верил, как верят дети, интонациям, убежденности и сердечности, которые были в речи масона, дрожанию голоса, которое иногда почти прерывало масона, или этим блестящим глазам, состарившимся на том же убеждении, или тому спокойствию, твердости и знанию своего назначения, которые светились из всего существа масона и которые особенно сильно поражали его в сравнении с своей опущенностью и безнадежностью, — но он всей душой желал верить, и верил, и испытывал радостное чувство успокоения, обновления и возвращения к жизни.

(Л. И. Толстой)

11. На этом кругу были устроены девять препятствий: река, большой, в два аршина, глухой барьер перед самою беседкой, канава сухая, канава с водою, косогор, ирландская банкетка, состоящая (одно из самых трудных препятствий) из вала, утыканного хворостом, за которым, невидная для лошади, была еще канава, так что лошадь должна была перепрыгнуть оба препятствия или убиться; потом еще две канавы с водою и одна сухая, — и конец скачки был против беседки.

(Л. И. Толстой)

12. Это ночное мытье производилось самою Катериной Ивановной, собственноручно, по крайней мере, два раза в неделю, а иногда и чаще, ибо дошли до того, что переменного белья уже совсем почти не было, и было у каждого члена семейства по одному только экземпляру, а Катерина Ивановна не могла выносить нечистоты и лучше соглашалась мучить себя по ночам и не по силам, когда все спят, чтоб успеть к угру просушить мокрое белье на протянутой веревке и подать чистое, чем видеть грязь в доме,

(Ф. М. Достоевский)

13. В начале июля Лиля заболела, объевшись малиной, лежала, медленно поправляясь, в своей комнате и все рисовала цветными карандашами на больших листах бумаги, пришипленных к доске, какие-то сказочные города, а она поневоле не отходила от ее кровати, сидела и вышивала себе малороссийскую рубашечку, — отойти было нельзя: Лиля поминутно что-нибудь требовала.

(И. А. Бунин)

14. Дочь господина из Сан-Франциско стояла на палубе рядом с принцем, вчера вечером, по счастливой случайности, представленным ей, и делала вид, что пристально смотрит вдаль, куда он указывал ей, что-то объясняя, что-то торопливо и негромко рассказывая; он по росту казался среди других мальчиком, он был совсем не хорош собой и странен, — очки, котелок, английское пальто, а волосы редких усов точно конские, смуглая тонкая кожа на плоском лице точно натянута и как будто слегка лакирована, — но девушка слушала его и от волнения не понимала, что он ей говорит; сердце ее би-

112

лось от непонятного восторга перед ним: все, все в нем было не такое, как у прочих, — его сухие руки, его сухая кожа, под которой текла древняя царская кровь; даже его европейская, совсем простая, но как будто особенно опрятная одежда таили в себе неизъяснимое очарование.

(И. А. Бунин)

15. Звон якорных цепей, грохот сцеплений вагонов, подвозящих груз, металлический вопль железных листов, откуда-то падающих на камень мостовой, глухой стук дерева, дребезжание извозчичьих телег, свистки пароходов, то пронзительно резкие, то глухо ревущие, крики грузчиков, матросов и таможенных солдат, — все эти звуки сливаются в оглушительную музыку трудового дня и, мягким колыхаясь, стоят низко над гаванью, — к ним вздымаются с земли все новые и новые волны звуков — то глухие, рокочущие, они сурово сотрясают все вокруг, то резкие, гремящие — рвут пыльный, знайный воздух.

(М. Горький)

16. Не за то ли благодарны мы Толстому, что он дал нам силу и право презирать и отвергать Каренина; вместе с Наташей волноваться у постели раненого жениха; плакать от гордого восхищения перед подвигом тушинской батареи; возмущаться фальшью и преступным равнодушием сословного судилища над Масловой, их же безвинной жертвой; вместе с Левиным жадно испить сладкой усталости в знаменитой сцене покоса; навечно и благодарно запомнить зрительное и нравственное потрясение от той, на пределе мастерства исполненной разоблачительной встречи на Аустерлицком поле Болконского со своим кумиром, осуществляющим истребление жизни?

(Л. Леонов)

17. Плынет серебряная паутина, застрявшая между небом и землей с бабьего лета, набухают почки на вербах, желтеет бересклет лист, осина сбрасывает багрец, цветут фруктовые деревья, раскрываются чашечки белых водяных лилий, тянут на юг утки и гуси, а тетерева, похоже, собрались не откладывать на весну брачных турниров и свадеб: вместо робкого, сонного осеннего токования они разоряются на неистовый весенний лад, а за ними тянется глухарь, — ишь, костяно пощелкивает несуществующими зубами!..

(Ю. Нагибин)

18. У него был полный Корнель, Расин, Мольер, Вольтер, Буало, сочинения Марлера, Фенсле она, Барклай, шестнадцатитомная "Римская история" Ролленя, его же "Древняя история", Кревиеровы "Истории об императорах"; были у него книги английских, итальянских, немецких, голландских, испанских, португальских прозаиков и поэтов, греческие и латинские грамматики, жизнеописания великих воинов, государственных мужей, служителей духа, оды Горация и любовные

песни Катула, множество сочинений по философии, географии, медицине, языкоznанию, теологии, астрологии и, конечно, вся русская поэзия от виршей князя Хворостинина и творений Сильвестра Медведева, Федора Поликарпова, Кариона Истомина в русле церковно-дидактической традиции до острых сатир князя Антноха Кантемира, а равно записи народных песен, комедий, сказок, раешников, жития святых мучеников и редкое издание Евангелия...

ДО Нагибин

19.

В деревню.
Где кашивала, В деревню.
Где пахивала, В деревню.
Где гшиасывала, В деревню.
Где плакивала,
Хоть та: — Не оставь! — Настанвала,
В ту бедную, Что покинула.
Хоть та: — Не покинь, Погибну я! —
Молила, держала за попы. Ободья колес обхватывала
Колосьями зацветающими. Ромашками, чуть
кивающими, И речками, и пожнями,
И елками придорожными... Не жать, не вязать,
Не рожь молотить. Себя показать. Народ
удивить Платьем богатым, Станом
необъятным (была-то худа,
Ноны — что ягода!) Долей успешной,
Говорей нездешней, Умницей сыном. Дочкой
красивой, Баловнем- внук ом
К прежним подругам, Нарядная и гордая.
Приехала из города.

(О. Фокина)